

Культура

«Окно напротив».
 Режиссер Ферзан
 Оспетек. В ролях:
 Джованна
 Меццоджорно,
 Рауль Бова,
 Филиппо Нигро,
 Массимо
 Джиротти. Италия —
 Великобритания —
 Турция —
 Португалия, 2003

История и теория кино в одном турецко- итальянском флаконе

Виктор МАТИЗЕН

Героине фильма Джованне под тридцать, она замужем за бензоколонщиком Филиппо, работает на птицефабрике, растит двоих детей, по вечерам печет пирожки для соседнего кафе, смотрит в окно соседнего дома, где живет молодой холостяк, и о чем-то мечтает. Однажды она и муж встречают на улице потерявшего память старика (последняя роль знаменитого Массимо Джиротти), и пока полиция выясняет, кто он, Филиппо селит его в их квартире. Поначалу старик раздражает молодую женщину, но раздражение незаметно переходит в интерес к этому странному и явно утонченному человеку, и завеса, отделяющая ее от чужих жизней, постепенно приоткрывается.

Ферзан Оспетек — итальянец турецкого происхождения, и в его ленте ощутимо влияние «южного» кино с мелодраматическими эффектами вроде амнезии, а также воздействие современной западной моды на гомосексуалов (старик оказывается геем). Но эти довольно конъюнктурные мотивы не кажутся излишними: режиссер владеет

редким искусством киномагии или, как говорили раньше, киногении, выраженной как раз в умении соединять трудносоединимое — разные элементы, разные времена, разные пространства. По мере того как к старику возвращается память, в действие вводятся ретроспективные эпизоды, но не так, как обычно пишут в романах («Он вдруг вспомнил, как...», «Внезапная вспышка памяти выхватила из прошлого...», «Память нахлынула на него, и...») и как воспроизводят в кино (с помощью наезда на глаза героя или прямой монтажной склейки).

В «Окне напротив» между настоящим и прошлым нет разрыва, они совмещаются в одном кадре. Невидимая камера выплывает из окна комнаты, где старик танцует с

Джованной, и всплывает в другое окно, где танцует другая пара, но в 1943-м году: маленькое передвижение в экранном мире оказывается равносильным гигантскому переходу в реальном времени. Технически несложный (две декорации плюс камера на членисторукотом кране) кинотрюк производит огромное эмоциональное впечатление, поскольку хронотопос (время-пространство) фильма имитирует внутренний хронотопос героя и слившегося с ним зрителя, для которого на экране как бы воспроизводится поток его собственных образов — его «внутренний фильм».

В данную минуту центральный персонажем может быть старик — и тогда мы переносимся в Рим 1943 года, когда немцы начали депорта-

цию итальянских евреев, а может быть молодая женщина, и тогда начинается другое колдовство. Прямой показ сменяется отраженным — лицо актрисы превращается в экран, по которому бегут тени внутренних событий, и это зрелище способно захватить так, как захватывает редкий «экшен». Джованна Меццоджорно — изумительная, тончайшая лицедейка (лицедейтельница), в известном смысле даже не итальянская, если под «итальянской» манерой исполнения иметь в виду открытое и артикулированное жестами выражение страстей, свойственное Анне Маньяни и Софи Лорен (хотя «Окно напротив» снято не без влияния «Особого дня» Этторе Сколы, где Лорен, спрятав свой темперамент, наблюдала за Мастройнни в квартире на другой стороне двора). Будь жив Бела Балаш, он мог бы посвятить игре Джованны Меццоджорно вдохновенное эссе наподобие тех, что он посвящал великим актрисам немого кино, поскольку по своей сути это и есть немая игра, лишенная подспорья в виде слов. Но хочется обратить внимание на менее заметную роль режиссера в этом актерском бенефисе.

Есть знаменитый «эксперимент Кулешова», в котором нейтральное лицо Мозжухина монтировалось с тарелкой супа, а зрители думали, будто персонаж голоден. Оспетек использует этот эффект без резких монтажных манипуляций — он просто дает нам вжиться в бытовой контекст, который вынуждает героиню уходить в себя, и манит тем же полужакрытым видом в противоположное окно. Поиграв на нашей неустойчивой страсти к подглядыванию, он переводит камеру на лицо актрисы, заставляя зрителей угадывать на нем и рефлексии душевных движений, и отражение проистекающего за соседним окном. Нечто подобное, между прочим, описано в классическом стихотворении Фета, где сначала «серебро и колыханье сонного ручья», а потом «ряд волшебных изменений милого лица».

К слову, режиссерско-актерское колдовство Оспетека и Меццоджорно особенно впечатляет после доморощенного «Рецепта колдуньи», где тоже шла речь о переживаниях молодой женщины, и где тоже было много сверхкрупных планов ее лица — неестественных и пустых.

Джованна Меццоджорно (mezzogiorno — юг), одна из самых востребованных итальянских актрис, родилась в 1974 г. в семье известного актера Витторио Меццоджорно. Училась актерскому мастерству в школе Питера Брука в Париже. В 1997 г. была признана лучшей дебютанткой года за роль в «Путешествии невесты». В 1998 г. удостоилась нескольких национальных наград, сыграв в «Потерянной любви» Микеле Плачидо. В 2001 г. вышли целых пять фильмов с ее участием. За исполнение главной роли в «Окне напротив» получила престижный приз «Давид Донателло» на родине и «Хрустальный глобус» в Карловых Варах. Ее муж — актер Стефано Аккорси, с которым она снялась в «Последнем поцелуе».